

— Твоя очередь, — Цяо Янань быстро натянула обувь, вскочила и, подбежав к Хуайсиню, протянула руки, чтобы забрать ношу. — Ну какой же ты бестолковый, зачем всё это время держал его на руках? Тяжело ведь, правда?

Хуайсинь, который даже не подумал о том, чтобы опустить ребенка, отступил в сторону:

— Сюци плачет.

Цяо Янань подняла голову и увидела, что Сючэн уже чуть ли не вытягивает шею, пытаясь разглядеть, что происходит. Прислушавшись, она действительно различила плач и поспешила к ним. Сделав пару шагов, она обернулась:

— Найдем подходящее место — обязательно сходи искупайся, это очень расслабляет. Я буду караулить.

— Хорошо.

Словно порыв ветра, она подлетела к ребенку, и стоило ей взять его на руки, как вся её легкость и беззаботность куда-то исчезли. Она баюкала малыша с такой нежностью, словно сама была его матерью, и в её движениях не было ни капли досады или неприязни от того, что приходится нести эту ношу. Напротив, она казалась искренне счастливой — и эта радость не угасала, даже когда Сючэн начинал с ней пререкаться.

У Хуайсиня возникло непреодолимое желание запечатлеть эту сцену в беседке. Не нужно было никаких прикрас — это само по себе было самым прекрасным пейзажем.

— Хуайсинь, пора в путь!

Хуайсинь отозвался и направился к повозке. Под руководством Сючэна он расставил по местам котелки и утварь. Увидев, что кучер запрягает лошадей, он хотел было помочь, но Сючэн потянул его за рукав:

— Жарко, полезай-ка лучше внутрь.

Цяо Янань, уже сидевшая в повозке, рассмеялась и поманила Хуайсиня рукой. Хотя этот парень всё ещё вел себя странно и замкнуто, воспитали его явно неплохо.

Заметив на лице Хуайсиня недоумение, она тихо пояснила за спиной младшего брата:

— Посмотри на свои руки.

Хуайсинь взглянул на ладони. В чем проблема?

Цяо Янань с досадой взяла ватный тампон и прижала к тыльной стороне его кисти:

— Я же говорила, что тебе нужно быть осмотрительнее! Лицо ты спрятал, а руки выставишь — и всё сразу раскроется.

Там, где прошелся тампон, кожа словно испачкалась. Хуайсинь подавил желание поскорее оттереть это, но прежде чем он успел что-то сказать, она схватила его за руку. Он инстинктивно дернулся назад, но Цяо Янань крепко сжала пальцы:

— Не дергайся, я ведь Сюци держу!

Хуайсинь не просто замер — он окаменел всем телом. Его взгляд был прикован к её движениям, в голове крутилась мысль, что пора во всем признаться, но язык словно прилип к небу.

— У красавца даже руки красивые, — приговаривала Цяо Янань, продолжая тереть кожу. — Пальцы длинные и изящные. Хотя ладони широковаты, но ты ведь и сам высокий, кость крупная. Доберемся до Гуйхуали — научу тебя ухаживать за кожей, сведем эти мозоли.

Хуайсинь слушал её, а спустя время тихо произнес:

— Кажется, ты умеешь абсолютно всё.

— Если чего-то хочу — научусь, — она перевернула его ладонь, рассматривая результат. — Готово.

Глядя на свои побелевшие руки, Хуайсинь спросил:

— А ты сама почему не маскируешься?

— Замаскируюсь, когда будем выходить из повозки. Сейчас мне нужно следить за Сюци, не хочу, чтобы краска попала ему в рот. Твой платок ещё влажный? Дай сюда, протру руки. Аккуратнее, не сотри то, что я нанесла.

Хуайсинь взял платок, держа его за самый уголок двумя пальцами, и этот жест с оттопыренным мизинцем рассмешил Цяо Янань:

— Ну и забот у меня с тобой!

— Хорошо, когда есть о ком заботиться.

— И я так считаю. Жить одному, ни о ком не думая, конечно, вольготно, но если нет никого, кто был бы тебе дорог — это же совсем пустота, — она посмотрела на него. — А у тебя? Есть кто-то близкий? Ты сбежал со свадьбы — может, тебя ждет человек, с которым вы любите друг друга?

— Нет никого, о ком мне стоило бы заботиться, и никто меня не ждет, — Хуайсинь опустил голову, подумал и добавил: — Но есть долг благодарности за воспитание, который я должен вернуть.

Цяо Янань слегка кивнула. Это было любопытно. Словосочетание долг благодарности обычно не используют по отношению к родным родителям, да и к мачехе вряд ли. Значит, есть кто-то ещё. Возможно, тот, к кому он планировал отправиться после побега, но по какой-то причине пока не решается.

Хм, логично. Он сбежал, мачеха наверняка ищет его среди знакомых, так что скрываться какое-то время — верное решение.

Поняв это, Цяо Янань перестала ломать голову над тем, почему он решил последовать за ней в Гуйхуали. Хотя у неё не было ничего такого, чем могла бы поживиться девушка, осторожность никогда не помешает. Но теперь, зная, что у него свои трудности, она успокоилась.

— Хуайсинь, сколько тебе лет?

— Семнадцать.

— Мне шестнадцать. — Хотя психологически она была куда старше. — Хуайсинь, я хочу предложить тебе сделку.

— Слушаю.

— Хотя я готовилась к отъезду и продумала даже худшие сценарии, теперь, когда ты едешь со мной, многие проблемы можно решить гораздо проще.

Хуайсинь приподнялся, прикрыл рот рукой и кашлянул, жестом показывая ей продолжать.

— Всё просто. Как и при выезде из города: ты будешь моим мужем. Если мы будем выдавать себя за супругов, нам будет легче справляться с трудностями в дороге.

Мужем...

Хуайсинь отвернулся к окну. Его уши на глазах начали краснеть, пока не стали пунцовыми. Спустя долгое время он наконец произнес:

— Делай как знаешь.

— На это я и надеялась.

Цяо Янань прищурилась, глядя на залитый солнцем, ничем не примечательный пейзаж, и погрузилась в воспоминания.

В шестнадцать лет она должна была учиться в старшей школе. Оценки средние, отличные отношения с одноклассниками. В то время как все ждали каникул, она единственная надеялась, что их не будет. Ей не хотелось думать, куда податься на отдых: казалось, везде есть место, где она могла бы приткнуться, но ни одно из них не было её домом.

У неё не было дома. И не было семьи.

С самых ранних воспоминаний она не видела родителей. Знала лишь, что они были великими людьми и погибли при исполнении долга. Она выросла на историях об их подвигах, знала, что они были достойными людьми, но не могла представить их лиц.

Она росла то у дяди, то у тети, то у других родственников. Правительство ежемесячно выделяло средства на её содержание, родственники исправно выполняли свой долг: никто не посягал на её деньги и не обижал её. Она не знала ни нужды, ни лишений.

Просто у неё не было родителей, не было братьев и сестер. Все дома, в которых она жила, были чужими. Она была лишь гостьей, одинокой ряской, дрейфующей по воде без корней.

Поэтому, когда она проснулась в этом мире, совершенно чужом и незнакомом, и узнала, что отец ещё не похоронен, а мать умерла в родах от потрясения после самоубийства прежней владелицы тела, оставив ей восьмилетнего брата и младенца на руках — эту тяжелую ношу она приняла спокойно. И даже испытала странную, неуместную радость: пусть родителей по-прежнему нет, но теперь у неё есть два брата и, возможно, где-то есть старший, которого она когда-нибудь встретит. У неё появились родные по крови.

Она больше не была одна. Эта мысль была настолько прекрасной, что даже перед лицом свалившихся на неё проблем она чувствовала себя счастливой. Ответственность и давление были, поначалу она не знала, за что хвататься, но по сравнению с тем, что она обрела, всё это казалось сущим пустяком. Ей стало даже спокойнее.

<http://bllate.org/book/20743/2078425>